

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

У отца Серафима

(Разсказъ паломника—семинариста).

Моя родина—Темниковъ. Этотъ сѣверный городъ Тамбовской губерніи, бѣдный и по своимъ постройкамъ и по своему внутреннему благосостоянію, удаленный отъ губернскаго города, пріютился на песчанномъ берегу рѣки Мокши, на горахъ и оврагахъ, въ сорока верстахъ отъ знаменитой Саровской пустыни. Забившійся въ глуши губерніи городъ окруженъ прекрасными лугами, лѣсами, рощами, озерами и только съ одной стороны полями, бѣдными песчаными полями. Весною и лѣтомъ городъ окруженъ роскошною зеленью, и на его лугахъ, въ лѣсахъ и рощахъ самая угнетенная душа всегда найдетъ себѣ успокоительный отдыхъ.... Жители города въ большинствѣ—бѣдный цеховой народъ, живущій изо дня въ день трудовой копѣйкой. Въ тоже время они—народъ, довольно религіозный,—и сторонняго посѣтителя пріятно уди-

вить то обстоятельство, что, несмотря на бѣдность города, храмы Божіи здѣсь довольно богаты (сравнительно, конечно) и весьма прилично украшены.

Между прочимъ, жители Темякова всегда съ особенною любовью посѣщали и посѣщаютъ Саровъ, или Саровскую пустынь. Едва-ли найдется въ городѣ изъ коренныхъ его жителей, — людей взрослыхъ, начиная съ отроческихъ лѣтъ, часто и дѣтскихъ лѣтъ и кончая добрыми старческими лѣтами, — человекъ, который не былъ бы въ Саровѣ „у отца Серафима“, не ходилъ бы „къ отцу Серафиму“, не зналъ бы его могилки, его источниковъ, его келейки... У многихъ темниковцевъ найдется и портретъ отца Серафима, и песочекъ съ его могилки, и камышекъ изъ его источниковъ — дорогая память о святомъ старцѣ... Весьма многіе изъ года въ годъ бывають „у отца Серафима“. Распросите вы ихъ, и они расскажутъ вамъ, какой — это благодатный, святой молитвенникъ и помощникъ душъ человѣческой, какой вѣжннй утѣшитель страдающаго сердца, какой великій врачъ безнадежно больныхъ... Отецъ Серафимъ! Кто не знаетъ его въ Темниковѣ кому онъ здѣсь не дорогой отецъ!... И вотъ, какъ только зазеленѣють лѣса, поля и рощи, съ весны до глубокой осени тянутся въ Саровъ изъ разныхъ, нерѣдко очень дальнихъ мѣстъ матери Россіи, почитатели отца Серафима, а съ ними и темниковцы.

Дорога въ Саровъ мимо женскаго монастыря до деревни Тювѣвой — проселочная, а потомъ вплоть до Сарова, болѣе 30 верстъ, лѣсомъ, мѣстами — одинъ песокъ...

Бывало, съ какимъ сердечнымъ восторгомъ, съ какою любовью и радостью въ душѣ идешь, идешь и устали не чувствуешь... И теперь еще живо помнится, какъ что-то влечетъ тебя „къ отцу Серафиму“, какъ стораешь каимъ-то жгучимъ нетерпѣніемъ поскорѣ побывать „у отца Серафима“ и получить отъ него благодатное утѣшеніе. Дойдешь до просѣки — не доходя версты четыре до Сарова — и какъ только

покажутся главы Саровскихъ церквей, такъ и хочется разомъ ринуться въ обитель,—и досадно дологъ кажется этотъ сравнительно маленькій путь...

Я, какъ бывшій паломникъ, сохранилъ самое дорогое воспоминаніе о Саровѣ,—и тѣмъ болѣе дорогое, что доселѣ чувствую на себѣ благодатную силу отца Серафима. Объ этой благодатной силѣ отца Серафима я и хочу теперь разсказать.

I.

Въ 1894 году—я окончилъ 5 классъ духовной семинаріи. У насъ только что начались экзамены. Для меня благополучно прошли письменные экзамены. Начались подготовки къ устнымъ экзаменамъ.

Въ то время подготовки по нѣкоторымъ предметамъ были очень продолжительны, и мы иногда ими злоупотребляли.

Помню, послѣ перваго экзамена, пользуясь свободой первыхъ дней одной изъ продолжительныхъ подготовокъ, я много пробылъ на дождѣ и очень сильно простудился... Первое время я еще крѣпился, ходилъ и могъ кое-какъ готовиться къ экзамену; послѣ втораго экзамена, разгоряченный я выпилъ нѣсколько кружекъ холоднаго квасу,—и чрезъ это еще болѣе простудился и слегъ, хотя и не вплотную, какъ говорится, а всетаки слегъ. Я заболѣлъ сильнѣйшей лихорадкой. Это было около половины мая.

Болезнь была для меня большимъ горемъ. Я очень боялся отстать отъ своихъ товарищей, боялся, какъ бы болѣзнь не заставила меня отложить экзамены, и старался не падать духомъ. Кое-какъ, по мѣрѣ силъ моихъ и здоровья, я началъ готовиться, лежа въ спальнѣ на койкѣ. Ходилъ я очень мало, больше все лежалъ,—ходилъ же только въ семинарскую больницу къ врачу (лечь въ больницу я почему-то очень боялся и ни за что не хотѣлъ), да развѣ въ столовую выпить стаканъ чаю, обѣдать у меня никакого аппетита не было. Врачъ усердно кормилъ меня хиной и поилъ какими-то

каплями, но мнѣ ничто не помогало, и болѣзнь не только не прекращалась, а временами даже и усиливалась. Тѣмъ не менѣе, хоть лежа на боку, а я всетаки успѣвалъ приготовиться къ экзаменамъ, по крайней мѣрѣ, такъ, чтобы можно было удовлетворительно отвѣтить. Но, къ моему удивленію, мнѣ какъ-то даже удавалось очень хорошо отвѣчать.

Къ концу экзаменовъ я очень обезсилѣлъ и едва могъ довести ихъ до конца. Бывали дни, когда я едва могъ подняться съ койки, но подготовокъ къ экзаменамъ всетаки не оставлялъ.

Въ нѣкоторые дни экзаменовъ, обыкновенно съ утра, мнѣ было какъ-то лучше. Особенное возбужденіе нервовъ въ эти дни, разгоряченное воображеніе, особенная торжественность этихъ дней, передававшаяся и вліявшая на душевную психику—все это, вѣроятно, вмѣстѣ взятое, на нѣкоторое время останавливало дѣйствіе сильнѣйшихъ лихорадочныхъ пароксизмовъ, по крайней мѣрѣ—помнится—до вечера. Бывали, впрочемъ, и такіе дни экзаменовъ, когда я приходилъ въ экзаменаціонную комнату за десять минутъ до моихъ отвѣтовъ и могъ пробыть здѣсь всего не болѣе получаса времени, при чемъ и во время отвѣтовъ лихорадочный пароксизмъ не только не оставлялъ меня, а даже какъ будто и усиливался.

Такъ время шло, экзамены сходили у меня благополучно, а болѣзнь все не проходила, и все больше разрушала мои силы, мое здоровье, мой организмъ, и убивала во мнѣ зачатую всякую энергію. Меня не на шутку начала тревожить мысль о томъ, что въ концѣ концовъ болѣзнь можетъ навсегда покончить со мной,—и мысль о смерти казалась мнѣ страшной и убійственной; но все же я не могъ отказаться отъ нея... Какъ и всегда бываетъ съ людьми въ подобныхъ случаяхъ, я сдѣлался болѣе религіознымъ; хотя я не былъ собственно нерелигіознымъ юношей, но мистически-приниженное состояніе моего духа усилило мою религіозность, особенно, съ того времени, какъ во время пребыванія въ нашей семи-

нарії чудотворной Вышенской иконы Божіей Матери я приложился къ ней и на нѣкоторое время получилъ облегченіе въ моей болѣзни.

Какъ коренной темниковецъ, я еще съ первыхъ дней моей болѣзни постоянно подумывалъ о томъ, что мнѣ необходимо послѣ благополучнаго окончанія экзаменовъ сходить въ Саровъ и побывать „у отца Серафима“, на его могилкѣ. Когда же болѣзнь моя оказалась настолько упорной, что въ избавленіи отъ нея можно было только разсчитывать на милость Божію, я далъ себѣ обѣщаніе непременно побывать у отца Серафима и попросить у него себѣ благодатной помощи. У меня былъ въ то время маленькій фотографическій снимокъ отца Серафима. Онъ былъ пріобрѣтенъ мною, когда я ходилъ въ Саровъ, будучи въ первомъ классѣ семинаріи. Часто я доставалъ изъ бокового кармана этотъ снимокъ Саровскаго старца, подолгу смотрѣлъ на него и у меня становилось отраднo и успокоительнѣе на душѣ; я ободрялся и мысленно просилъ старца помочь мнѣ, и все болѣе болѣе воодушевлялся желаніемъ побывать „у отца Серафима“ на могилкѣ и въ келейкѣ.

У меня былъ очень близкій товарищъ и другъ, который за все время моей болѣзни въ Тамбовѣ часто навѣщалъ меня,—и жилъ въ казенномъ корпусѣ, а онъ на частной квартирѣ. Съ нимъ мы и уговорились, какъ и когда пойдемъ въ Саровъ. Этотъ товарищъ мой также давно лелѣялъ мысль о путешествіи въ Саровъ, поэтому наше обоюдное обѣщаніе вызывало въ томъ и другомъ отрадное чувство.

Въ самомъ концѣ іюня окончились экзамены. Для меня они прошли болѣе или менѣе счастливо и успѣшно, не смотря на всю мою сильнѣйшую болѣзнь. И теперь, когда вспоминаю о нихъ, мнѣ всегда кажется, что тутъ была особенная какая-то милость Божія ко мнѣ. Я такъ сильно болѣлъ все время экзаменовъ,— и все таки могъ ихъ такъ счастливо окончить, какъ счастливо они не оканчивались для меня никогда

во всю мою жизнь. Осмѣливаюсь мыслить, что, вѣроятно, духъ отца Серафима помогаль мнѣ еще въ то время.

Послѣ экзаменовъ наступала веселая и радостная пора юношеской ученической жизни—лѣтнія каникулы. Какъ и другіе мои товарищи, я былъ радъ имъ,—и тому особенно, что; по крайней мѣрѣ, теперь я не могъ такъ утомляться и обезсилівать, какъ это было прежде, во время подготовокъ къ экзаменамъ. Моя болѣзнь была по прежнему въ сильномъ ходу; но теперь я могъ, по крайней мѣрѣ, питать тайную надежду на выздоравливаніе; я надѣялся, что когда мои силы будутъ восстанавливаться, должна была и ослабѣть постепенно моя болѣзнь. Больные вѣдь всегда надѣются на выздоравливаніе,—такъ было и со мной.

Вскорѣ послѣ окончанія экзаменовъ я уѣхаль на родину, въ родной свой Темниковъ. Здѣсь въ покоѣ и нѣгѣ родительскаго крова я думаль поправить свое здоровье. Въ чащѣ сосноваго бора здоровымъ чистымъ и пріятнымъ запахомъ сосны я мечталъ освѣжить и обновить свои силы.

Когда я пріѣхаль домой, мой отецъ, бѣдный псаломщикъ города Темникова, сильно былъ встревоженъ и моимъ внѣшнимъ видомъ и моимъ нездоровьемъ, такъ что говорилъ даже, что для него было бы пріятнѣе видѣть меня здоровымъ и оставшимся на повторительный курсъ, чѣмъ больнымъ, но перешедшимъ въ VI классъ. Онъ боялся, что болѣзнь сведеть меня въ могилу.

Не говорю уже о томъ, что путь изъ Тамбова до Темникова желѣзной дорогой и шестьдесятъ верстѣ лошадьми—отъ Темникова нѣтъ станцій желѣзной дороги ближе 60 верстѣ,—былъ для меня очень утомителенъ. При томъ дорогой я опять нѣсколько простудился. Домой я уже не чаялъ, какъ и пріѣхать.

Дома со мной были тѣ же сильнѣйшіе лихорадочные пароксизмы. Долгое время я принималъ хининъ, но всеже безъ пользы. Въ теченіе всего іюля лихорадочные парок-

кисизмы со мной повторялись изо дня въ день; обыкновенно они были у меня послѣ полудня и на закатѣ солнца. Но всетаки къ концу іюля болѣзнь моя нѣсколько уменьшилась, не стала такой мучительной, какой была прежде; я могъ свободно ходить и самые пароксизмы не были такъ сильны и продолжительны, какъ прежде, когда я только что пріѣхалъ домой, И я уже думалъ осуществить свое намѣреніе — побывать „у отца Серафима“

Въ Темниковѣ пріѣхалъ гостить къ своей замужней сестрѣ мой товарищъ, съ которымъ еще во время экзаменовъ мы уговорились идти вмѣстѣ въ Саровъ. Мы сразу начали обдумывать наше путешествіе, и какъ только товарищъ мой отдохнулъ отъ поѣздки, мы собрались идти въ Саровъ.

Хотя идти въ Саровъ и давно мнѣ хотѣлось и я съ удовольствіемъ думалъ исполнить свое давно задуманное обѣщаніе, тѣмъ не менѣе предъ самымъ выходомъ въ это путешествіе на меня напалъ какой-то страхъ и боязнь, что я не вынесу его. Дѣло въ томъ, что лихорадка все еще со мной продолжалась, лихорадочные пароксизмы изо дня въ день повторялись два раза. Путешествіе въ 40 верстъ для меня казалось иногда невозможнымъ, такъ какъ я былъ еще, правду сказать, и очень слабъ, несмотря на то, что могъ свободно ходить. Правда, я бывалъ предъ тѣмъ нѣсколько разъ въ сосновомъ бору, верстъ за пять отъ города, возлѣ мужскаго Санаксарскаго монастыря, окруженнаго лѣсомъ, но всякій разъ при этомъ я очень утомлялся и долженъ былъ послѣ этого нѣкоторое время пролеживать въ постели. Но, съ другой стороны, я боялся, что такъ откладывая путешествіе до болѣе благопріятнаго состоянія моего здоровья, я могъ вовсе не собраться побывать „у отца Серафима“, — и эта мысль страшила меня болѣе, чѣмъ боязнь не выдержать трудности путешествія. Положившись на милость Божію, я рѣшилъ всетаки исполнить свое обѣщаніе, рассчитывая при томъ еще, что во время перваго послѣ полудня пароксизма со мной

мнѣ можно будетъ отдохнуть среди дороги на лѣсномъ кордонѣ *), или даже переночевать тамъ, если будетъ плохо, а ко времени второго пароксизма на закатѣ солнца можно дойти въ Саровъ, въ крайнемъ случаѣ на второй день. И выходя изъ дома въ Саровъ, я отлично зналъ, что со мной будутъ лихорадочные пароксизмы, и я долженъ ослабѣвать дорогой.

Утромъ въ 6 часовъ 1 августа мы вышли съ товарищемъ въ Саровъ. Мы шли вдвоемъ, и я едва помнилъ дорогу, такъ какъ лѣтъ пять впередъ хотя и проходилъ этой дорогой, но тогда насъ было нѣсколько партій и я не обращалъ особенное вниманіе на запоминаніе пути. Но хорошо было то, что дорога почти вездѣ была одна, и мы знали ее по рассказамъ другихъ. Такъ какъ въ это время была самая рабочая пора и народъ въ это время занятъ тяжелой и спѣшной работой, то паломниковъ въ Саровѣ не было, и намъ не съ еѣмъ было подѣлать свое путешествіе. Только развѣ бывало пробѣдуть двѣ—три пары,—тоже, очевидно, въ Саровъ, да оттуда встрѣтятся нѣсколько человекъ одинокихъ странниковъ.

Я шелъ нѣсколько неувѣренно, все боясь ослабѣть. У насъ было, кажется, по небольшой сумочкѣ и мы были въ обычной лѣтней одеждѣ. Незамѣтно за разговорами мы прошли проселочную дорогу съ 8 верстъ и съ большимъ удовольствіемъ вступили въ дѣвственную чащу сосноваго лѣса.

Таинственная чаща лѣса, видъ высокихъ многовѣковыхъ деревьевъ, глубокая тишина лѣсной природы, временами нарушаемая лишь пѣніемъ птичекъ и крикомъ пернатыхъ хищниковъ, да изрѣдка скрипомъ экипажей и топотомъ лошадей, пышный уборъ лѣса лѣтомъ,—все это производило чарующее и торжественное впечатлѣніе на душу. Углубляясь все далѣе и далѣе въ лѣсъ, оживленно бесѣдуя объ исторіи возникновенія этихъ высокихъ сосенъ, временами изумляясь и

*) Кордономъ называется изба лѣсного объѣзчика.

безмолвствуя предъ какимъ то величавымъ настроеніемъ лѣса, мы въ 10 часовъ пришли на первый лѣсной кордонъ.

Здѣсь мы отдохнули около часу, пили чай и закусывали. И удивительно, прошедши 15 верстъ, я не чувствовалъ особенной усталости и былъ бодръ. Я былъ даже теперь въ самомъ лучшемъ настроеніи и спѣшилъ идти далѣе, чтобы поспѣть ко времени перваго лихорадочнаго пароксизма со мной придти на второй кордонъ, верстъ за 15 отъ перваго. Той дорогой, по которой, быть можетъ, сотни тысячъ паломниковъ ходили „къ отцу Серафиму“, мы съ освѣженными силами пошли далѣе.

Было уже жарко и томительно въ воздухѣ. Дорога по мѣстамъ была сыпучій песокъ. Вскорѣ насъ—и въ особенности меня—начала мучить жажда. Мы повстрѣчали одинъ лѣсной источникъ, въ которомъ вода кишѣла множествомъ насѣкомыхъ. Какъ ни опасно было для моего здоровья пить сырую воду, жажда всетаки взяла свое; я и товарищъ мой много пили этой плохой воды. Четыре мѣсяца я не пилъ сырой воды, а тутъ не выдержалъ, напился, хотя и боялся, что она вредно отзовется на мнѣ.

Когда мы присмотрѣлись къ красотамъ могучаго лѣса, наговорились о всемъ, что насъ занимало дорогой, мы начали пѣть церковныя пѣсноуѣнія и пѣли ихъ неумолкаемо почти вплоть до самого Сарова. Такъ въ началѣ третьяго часа мы, усталые сравнительно, пришли на второй кордонъ, заказали себѣ самоваръ, умылись, лежали нѣсколько времени около одного сосноваго дерева, продержавъ ноги на пнѣ въ нѣсколько приподнятомъ состояніи, чтобы онѣ скорѣе могли отдохнуть, и потомъ начали пить чай и закусывать.

Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что впервые, въ теченіе почти 3 мѣсяцевъ, послѣполуденнаго пароксизма со мной не было, и я не чувствовалъ въ себѣ никакой лихорадочности. Въ теченіе долгаго времени три часа по полудни были для меня очень мучительнымъ лихорадочнымъ состояніемъ, теперь

я впервые разъ этого не чувствовалъ,—и это было для меня очень не обычно и даже немножко странно,—такъ я уже привыкъ въ душѣ къ этимъ состояніямъ. Сначала я думалъ, что лихорадочный пароксизмъ будетъ со мной позднѣе. Но когда мы вышли съ кордона съ обычнымъ нашимъ церковнымъ пѣніемъ, прошли верстъ шесть, и вступили въ лѣсной просѣкъ, отъ котораго оставалось уже идти менѣе пяти верстъ до Сарова, и мы были всетаки бодры и веселы, я понималъ, что тутъ было что-то необычайное, и въ мою душу закралась робкая надежда на благодатную помощь великаго сѣвернаго молитвенника нашей губерніи, отца Серафима

Вдали виднѣлись золотыя главы Саровскихъ церквей, и радостно было идти и нестерпимо скорѣе хотѣлось быть въ Саровѣ. На душѣ было такъ хорошо, что какъ будто и не чувствовалось никакой усталости труднаго пути. Было 6 часовъ, когда мы были надъ самымъ Саровомъ на мостикѣ, который перекинутъ чрезъ небольшую, окаймляющую пустынь рѣчку, на которой слышался крикъ дивихъ утокъ, которыхъ, видимо, здѣсь никто не трогалъ и которыя привыкли, очевидно въ проходящимъ паломникамъ и не такъ пугались ихъ.

II.

Мы остановились въ такъ называемой „дворянской гостиницѣ“, *) напильсь чаю и отдохнули. Потомъ, оправившись отъ дорожнаго пути, мы пошли въ монастырь и прежде всего зашли на могилку отца Серафима.

На могилкѣ отца Серафима было тихо, и никого не было изъ паломниковъ. Чувствовался какой-то святой покой, и хорошо было помолиться на могилкѣ старца, рассказать ему все, что такъ мучаетъ въ жизни. Мы сравнительно долго пробыли на могилкѣ, помолились, но уходить все не хотѣлось,—не хотѣлось отрываться отъ надгробія отца Серафима и порвать мысленную бесѣду съ нимъ, какъ отъ живаго не

*) Въ Саровѣ три гостиницы: дворянская, купеческая и черная, и въ каждой предлагается паломникамъ на время пребыванія въ монастырѣ бесплатно пріютъ, освященіе, пища и самоваръ. Паломникъ можетъ только пожертвовать что нибудь въ монастырскую кружку, смотря по своему усердію и состоянію.

хотѣлось уйти. И сладко было душѣ оставаться тутъ!... Какое то святое и трогательное чувство наполняло сердце и охватывало его радостью, что Господь привелъ исполнить обѣщаніе побывать „у отца Серафима“ Теперь на могилкѣ его, какъ у живаго, я могъ попросить благодатной помощи отъ своей болѣзни, и вотъ потому-то долго-долго угнетенному сердцу не хотѣлось покинуть могилку, а хотѣлось просить, просить и просить. Стало уже сильно вечерѣть, солнце уже давно закатилось, и въ воздухѣ чувствовалась прохлада, когда мы съ товарищемъ отъ могилки отца Серафима пошли пройтись немного по монастырю.

Службы церковныя въ то время уже окончились. Мы обошли кругомъ Саровскіе храмы, осматрѣли нѣкоторые памятники, были на водокачѣѣ и черными воротами вышли изъ монастыря, полюбовались нѣкоторое время видомъ храма во имя Богородицы „Животосный Источникъ“, и визомъ мимо высокой монастырской ограды возвратились въ гостиницу.

Было уже поздно. Ночь, теплая и освѣжающая, лѣтняя ночь, полная чуднаго запаха ближайшихъ сосенъ Саровскаго лѣса, опустилась на землю и задернула своей темноватой завѣсой и виды Саровскихъ храмовъ, и весь монастырь, и ближайшій лѣсъ. И замерло все кругомъ, только бурливая рѣчка Сарова шумѣла и плескалась, словно ночь мѣшала ей, и она сердилась.

Намъ подали ужинъ. Тутъ только я вспомнилъ, что со мной не было и второго лихорадочнаго пароксизма, который прежде также изо дня въ день на закатѣ солнца повторялся со мной въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ. Это былъ теперь первый день, когда вовсе лихорадки со мной не было, говорю первый день—и такой знаменательный.... я былъ у отца Серафима....

Послѣ ужина нужно было ложиться спать. Передъ тѣмъ я молился—и не столько молился, сколько стоялъ въ какомъ

то благоговѣйномъ оцѣпенѣніи, не зная, какъ благодарить мнѣ Бога за такого благодатнаго помощника, какъ отецъ Серафимъ. И помню, тогда еще я былъ полонъ восторга, и мнѣ хотѣлось молиться отцу Серафиму, но я не умѣлъ, а молиться за упокоеніе души его я какъ-то не смѣлъ; слишкомъ ужъ великимъ и святымъ представлялся онъ мнѣ, слишкомъ ужъ онъ былъ живъ для меня, чтобы я смертный грѣшникъ могъ молиться о душѣ его. Меня охватило глубокое волненіе и тогда, тогда я уже легъ въ постель. Вѣдь прежде я не могъ пройти и пяти верстъ, а тутъ прошелъ сорокъ верстъ, пилъ сырую и гадкую воду, и въ то же время чувствовалъ себя здоровымъ и никакой лихорадочности со мной не было этотъ день... Надо мной, очевидно, совершилось дѣйствительное чудо благодатной помощи „отца Серафима“. Сомнѣваться въ этомъ—было сверхъ всякихъ человѣческихъ силъ.

На другой день мы были у ранней литургіи, по окончаніи которой всѣ молящіеся паломники пошли на могилку „отца Серафима“. Здѣсь слушали панихиду, во время которой молящіеся стояли на колѣняхъ. Видно было, какъ безцѣнно дорогъ былъ всѣмъ этотъ великій почивающій подъ чугуннымъ надгробіемъ, у многихъ лились неудержимыя слезы, слышался на устахъ какой-то таинственный шопотъ имени „отца Серафима“. По окончаніи панихиды всѣ подходили къ надгробію, долго земно кланялись, потомъ благоговѣйно стояли и какъ будто бесѣдовали со старцемъ, многіе брали на память песочекъ съ могилы и потомъ расходились по гостиницамъ.

Мы съ товарищемъ, пришедши въ номеръ, пили утрепній чай, а потомъ были у поздней литургіи. Протяжные величественные Саровскіе напѣвы литургійныхъ пѣснопѣній производили глубокое впечатлѣніе на душу, ихъ можно всю службу слушать съ большимъ удовольствіемъ и не утомляться. Послѣ обѣда мы и другіе изъ паломниковъ ходили на источ-

никъ „отца Серафима“ въ лѣсу, въ верстахъ двухъ отъ монастыря. Этотъ источникъ обведенъ часовней, по стѣнамъ которой развѣшены картины съ изображеніемъ отца Серафима въ различныхъ видахъ его земной жизни, а въ срединѣ ея надъ самымъ источникомъ устроены колодезный срубъ; источникъ не глубокъ, весьма чистъ и прозраченъ, дно его усыяно камешками; мы и всѣ другіе доставали кружками воду изъ него, пили и умывались. Рядомъ съ часовней устроены купальни, отдѣльныя для мужчинъ и женщинъ, вода въ нихъ проведена изъ источника чрезъ особые желобы съ кранами. Нѣкоторые изъ пришедшихъ купались, въ томъ числѣ и мой товарищъ, а я самъ только обтирался. Затѣмъ мы ходили смотрѣть одинъ изъ камней, на которомъ молился отецъ Серафимъ, были въ какой-то кельи, простой и неотдѣланной въ то время почему-то, которую тоже называли мѣстомъ его подвиговъ. Послѣ того еще мы много пробыли въ лѣсу, побывали въ той же часовнѣ опять и возвратились въ гостиницу уже поздно.

И въ этотъ день со мной не было лихорадочныхъ пароксизмовъ, я былъ бодръ и свѣжъ, а на душѣ чувствовалась радость и довольство.

Третій день послѣ ранней литургіи мы опять на могилѣ отца Серафима слушали панихиду; потомъ слушали панихиду въ кельи, въ которой жилъ отецъ Серафимъ и которая, какъ извѣстно, въ настоящее время обведена храмомъ. Здѣсь горѣло много свѣчей предъ иконой Божіей Матери, предъ которой любилъ молиться отецъ Серафимъ. По стѣнамъ были развѣшаны нѣсколько изображеній отца Серафима. Здѣсь мы видѣли одежду отца Серафима и нѣкоторые другія вещи его, — и эти предметы еще болѣе оживляли въ нашей памяти великій образъ старца. Въ этой кельи было такъ все хорошо и такъ живо напоминало отца Серафима, что, казалось, будто хозяинъ ея вовсе не умеръ, а живетъ въ ней и лишь только не виденъ; умственному взору представлялся

быть согбеннымъ на колѣнахъ предъ горячо чтимой иконой Богоматери, молящимся за всѣхъ предстоящихъ и знавшихъ его.

Въ этотъ день опять мы были на источникѣ отца Серафима, а потомъ прошли въ лѣсъ по другую сторону источника и были, между прочимъ, на курганѣ, надъ которымъ на одномъ изъ деревьевъ сдѣлана надпись, что здѣсь подвижался молчальникъ Маркъ, одинъ изъ великихъ современниковъ отца Серафима. Здѣсь еще, между прочимъ, мы почему-то заблудились въ лѣсной чащѣ и только послѣ долгихъ усилій кое какъ добрались до монастыря. Вечеромъ мы слушали вечерню, а потомъ были на монастырской колокольнѣ.

И этотъ день я былъ здоровъ и чувствовалъ себя прекрасно. Четвертый день опять, по обыкновенію, мы были на могилкѣ отца Серафима и въ послѣдній разъ слушали панихиду. Я чувствовалъ себя обязаннымъ своимъ здоровьемъ отцу Серафиму, и теперь чувство глубокой благодарности наполняло все мое существо; что-то трогательное, что-то глубоко таинственное, то осязательно живое и трепетное соединяло теперь все мое существо съ этой великой могилкой, что-то влекло, манило, призывало мое сердце къ этому надгробію; что-то глубоко-благоговѣйное и святое исходило отъ этой могилки и вѣяло не надо мной только, но надъ всѣми нами, которые молились здѣсь. Я долго не могъ уйти отсюда; наконецъ, сдѣлавъ нѣсколько земныхъ послѣднихъ поклоновъ, я словно простился съ своимъ великимъ благодѣтелемъ и вышелъ,—и жаль было уходить.

До поздней литургіи мы успѣли побывать въ пещерахъ; здѣсь мы обратили особенное вниманіе на однѣ вериги и желѣзную шпалочку, которыя, вѣроятно, принадлежали какому нибудь подвижнику. Монахъ, который провожалъ насъ, надѣвалъ ихъ на меня; потомъ мы долго разсматривали одинъ пещерный храмъ.

Послѣ обѣда мы закупили себѣ въ монастырской лавочкѣ нѣсколько карточекъ отца Серафима и нѣкоторыя другія вещи на память о Саровѣ.

Послѣ вечерни мы осматривали храмъ во имя Божіей Матери „Живоносный Источникъ“, обошли послѣдній разъ монастырь, гуляли въ лѣсу, были даже на бурливой Саровкѣ. И опять я весь день былъ здоровъ и никакой лихорадки, даже и признаковъ ея какихъ либо—со мной не было. Теперь я благословлялъ тотъ часъ и ту минуту, въ которые я далъ себѣ обѣщаніе сходить къ отцу Серафиму.

На слѣдующій день мы встали около 6 часовъ, напились чаю, собрали все, что у насъ было и отправились домой той же дорогой, какою и шли сюда. Выпедши изъ гостинницы, мы остановились противъ монастырской колокольни, сдѣлали нѣсколько земныхъ поклоновъ, мысленно попросили прощеніе и благословеніе у отца Серафима—и пошли. Потомъ мы остановились на мостикѣ и долго не могли проетиться съ Саровомъ, великолѣпнымъ мѣстомъ земныхъ подвиговъ отца Серафима. Но вотъ густая чаща лѣса скрыла и золоченныя главы Саровскихъ храмовъ; перекрестились мы, ускорили свои шаги, и потянулась обычная дорога.

Въ пять часовъ вечера здоровые, счастливые и довольные мы были дома.

III.

Съ того времени прошло восемь съ половиной лѣтъ,— и за это время со мной болѣе не было такой злой и продолжительной лихорадки. И теперь, когда вспомнишь объ этой болѣзни, становится жутко. Если бы не благодатная помощь „отца Серафима“, то, навѣрное, меня давно бы не было на свѣтѣ Зеликъ и святъ благоговѣйный старецъ отецъ Серафимъ! Кто знаетъ его и слышалъ о немъ рассказы, тотъ никогда въ жизни не забудетъ его. Въ настоящее время всюду слышится: скоро будетъ прославленіе „отца Серафима“... Да, скоро будетъ земное прославленіе его, а небесное уже давно

началось, и множество его почитателей хорошо знают это!.. И вотъ въ настоящее время, въ ряду съ другими, и мы постарались въ своемъ [блѣдномъ и несовершенномъ] разсказѣ повѣдать чудо милости Божіей, проявившееся надъ нами по молитвамъ великаго заступника „отца Серафима“. Мы глубоко вѣримъ, что всѣ, кто изстрадался въ жизни и измучился душой и тѣломъ, найдутъ въ „убогомъ Серафимѣ“ великаго и благодатнаго себѣ помощника и молитвенника, и для всѣхъ этихъ страдальцевъ написали мы свой настоящій разсказъ. „Придите ко мнѣ на могилку, какъ къ живому, придете ко мнѣ, расскажите мнѣ все—и услышу васъ“... слышится нѣжный отраднѣй, утѣшающій голосъ отца Серафима. И горячо—горячо вѣримъ мы этимъ словамъ его.

С. Н. Р.